

ROALD DAHL

Робалд Далъ

ROALD DAHL

Мальчик

Рассказы о детстве

Мальчик
рассказы о детстве

Робалд Далъ

СКАЗОЧНИК
№1
В МИРЕ

Иллюстрации Квентина Блейка

Роальд Даль
Мальчик.
Рассказы о детстве

Роальд Даль родился в 1916 году в Уэльсе, в норвежской семье, учился в Англии, после окончания школы поступил работать в компанию «Шелл» и уехал в Африку. Во время Второй мировой войны Даль был лётчиком-истребителем Королевских ВВС Великобритании. А однажды, после того как он «монументально стукнулся головой», он начал писать — и стал одним из самых успешных детских писателей. Во всём мире знают и любят его книги «Джеймс и Чудо-Персик», «Чарли и шоколадная фабрика», «Волшебный палец», «Чарли и большой стеклянный лифт», «Изумительный мистер Лис», «Матильда», «Свинтусы», «БДВ», а за книгу «Ведьмы» он был удостоен престижной премии Уитбрэда (1983). Роальд Даль умер в 1990 году в возрасте семидесяти четырёх лет.

УДК 821.111-34-93 Даль Р.
ББК 84(4Вел)-4
Д15

Серия «Роальд Даль. Фабрика сказок»

Даль, Роальд.

Д15 Мальчик. Рассказы о детстве : [для сред. шк. возраста] / Роальд Даль ; пер. с англ. Евгении Канищевой и Натальи Калошиной ; ил. Квентина Блейка. — М. : Самокат, 2016. — 208 с. : ил. — (Серия «Роальд Даль. Фабрика сказок»). — Доп. тит. л. англ. ISBN 978-5-91759-517-7

Где Роальд Даль брал свои удивительные сюжеты?

В собственной жизни, разумеется, где же ещё! В детских воспоминаниях Роальда Даля не меньше неожиданного, восхитительного и безумно смешного, чем в самых знаменитых его книгах. Кстати, вы знаете, что Даль однажды попал в автокатастрофу и чуть не остался без носа? А что он был дегустатором конфет на шоколадной фабрике «Кэдбери»? А в 1924 году он организовал Великий Мышиный Заговор — вы слышали об этом? Тоже нет? Значит, вы еще много чего не знаете о Роальде Дале. Повесть о детстве сказочника № 1 наверняка увлечёт вас — не пропустите!

Любое использование текста и иллюстраций разрешено
только с согласия издательства.

This edition published by arrangement with David Higham
Associates Ltd and Synopsis Literary Agency.

This edition published by arrangement
with A P Watt Limited and The Van Lear Agency.

Boy Tales of Childhood — Copyright © Roald Dahl Nominee Ltd., 1984
Illustrations Copyright © 2013 by Quentin Blake
© Евгения Канищева, Наталья Калошина, перевод на русский язык, 2016
© ООО Издательский дом «Самокат», 2016, издание на русском языке

ISBN 978-5-91759-517-7

*Альфхильда, Элси, Аста, Эллен и Луис,
посвящается вам*

Автобиография — книга, в которой человек описывает свою жизнь. Обычно такие книги напичканы скучными подробностями.

Это — не автобиография. Я ни за что не стал бы писать историю собственной жизни. Но, с другой стороны, многое из того, что происходило со мной в школьные и после-школьные годы, до сих пор стоит у меня перед глазами.

Казалось бы, не было среди тех событий ни одного особенно значительного, а они всё равно засели во мне так крепко, что не вытравишь. И это по прошествии пяти, а то и шести десятков лет.

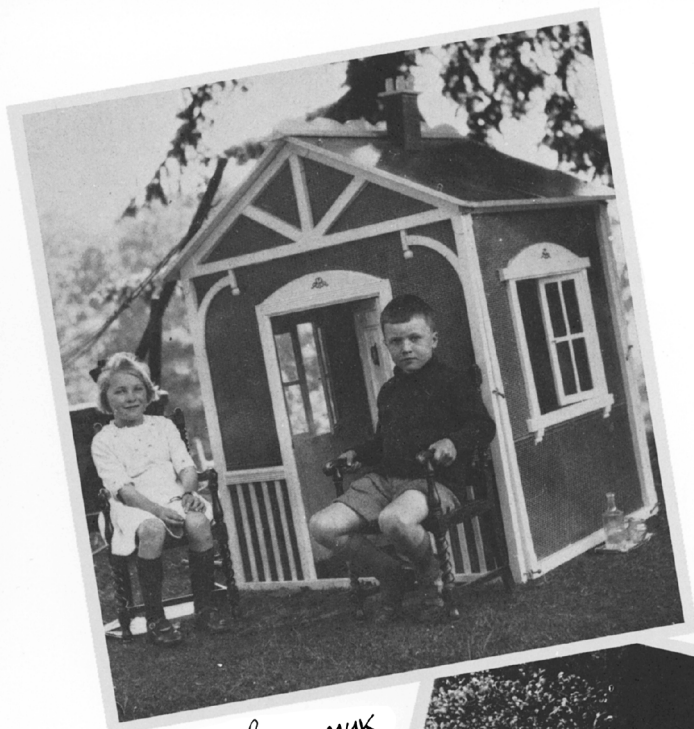
Мне даже не понадобилось специально рыться в памяти. Я просто взял, что лежало сверху, и перенёс на бумагу.

Среди этих историй есть смешные. Есть грустные. Есть очень неприятные. Наверное, потому они и незабываемые.

И все — правдивые.

Р. Д.

ОТПРАВНАЯ ТОЧКА

Наш игровой домик

Альфхильда, Элен с Эско, я и Астри.
Рагир

Папа и мама

Мой отец Харальд Даль, норвежец, был родом из маленького городка Сарпсборга, что неподалёку от Осло. А его отец — мой дед — был преуспевающий купец: он держал в Сарпсборге собственную лавку, где продавалось абсолютно всё, от сыра до проволочной сетки для курятников.

Теперь представьте: вот я пишу это в 1984 году, а этот мой дед родился в 1820-м, вскоре после того как Веллингтон разгромил Наполеона при Ватерлоо. Доживи дед до наших дней, ему было бы сейчас сто шестьдесят четыре года. А отцу — сто двадцать один. Они оба довольно поздно начали обзаводиться детьми.

Когда моему отцу было четырнадцать, то есть опять-таки больше ста лет тому назад, он полез на крышу, чтобы поправить съехавшую плитку черепицы, но поскользнулся и упал вниз. И сломал левую руку чуть ниже локтя. Кинулись за доктором, потом ждали его полчаса, потом наконец к дому подъехала коляска, явив миру блистательное и нетрезвое медицинское светило — нетрезвое настолько, что оно перепутало перелом предплечья с вывихом плеча.

— А вот мы сейчас его ему вправим! — зычным голосом объявило светило.

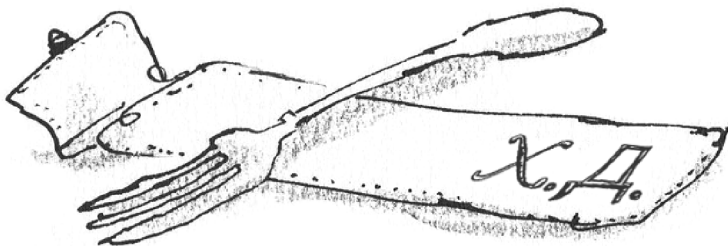
Для операции понадобились помощники, и с улицы привели двух прохожих. Им велено было держать

мальчика за пояс, а доктор вцепился в запястье сломанной руки и скомандовал:

— А ну-ка ухватились покрепче! Крепче, я сказал! И-и-и-и... дёрнули!

Наверняка боль была нестерпимая. Жертва взвыла, мать жертвы в ужасе закричала «Не-е-ет!..» — но вправщики уже успели сделать своё чёрное дело: осколок кости прорвал кожу и теперь торчал наружу.

На дворе стоял 1877 год, и с ортопедической хирургией дела обстояли не так, как сейчас. Поэтому сломанную руку, к счастью, левую, просто ампутировали по локоть, и отцу пришлось всю оставшуюся жизнь обходиться одной правой. Но со временем он приспособился и научился делать всё что нужно. Например, он мог завязывать шнурки на обуви не хуже любого из нас. А чтобы резать мясо на тарелке, он заточил крайний зубец вилки — получился специальный прибор, служивший ему вилкой и ножом одновременно. Это своё изобретение он хранил в кожаном футлярике и всегда носил с собой. В отсутствии руки, говорил он, всего одно серьёзное неудобство: невозможно срезать верхушку варёного яйца.

У моего отца был младший брат по имени Оскар. Между братьями было около года разницы, и они всегда были очень близки. Однажды, вскоре после окончания школы, братья вместе вышли из дома, чтобы погулять по окрестностям и заодно обсудить планы на будущее. Они решили, что маленький городок Сарпсборг в маленькой стране Норвегии — не то место, где можно сколотить состояние. Значит, надо ехать в какую-то большую страну, скажем, в Англию или во Францию, где возможности разбогатеть ничем не ограничены.

Однако их отцу, добродушному великану без малого семи футов роста, этот честолюбивый замысел совсем не понравился, и он велел сыновьям выкинуть дурь из головы. И тогда они сбежали из дому, как-то пробрались на грузовой корабль и таким образом попали во Францию.

Из Кале они поехали в Париж, но дальше пути братьев разошлись: оба стремились к самостоятельности и не хотели зависеть друг от друга. Дядя Оскар, поразмыслив, отправился на запад, в порт Ла-Рошель, что на Атлантическом побережье; отец же решил пока задержаться в Париже.

История о том, как каждый из двух братьев в одиночку, без чьей-либо помощи открыл на чужбине собственное дело и преуспел, безусловно, интересна, но за недостатком времени я ограничусь лишь кратким её изложением.

Итак, дядя Оскар. В те времена Ла-Рошель был рыбным портом, он и сейчас рыбный порт. К сорока годам мой дядя был уже самым богатым человеком в городе. Он владел промысловой флотилией под названием «Рыбаки Атлантики» и большим консервным заводом, где закатывали в банки выловленные тралами сардины. Ещё у него была жена из очень хорошей семьи, великолепный городской дом, а также загородная резиденция — шато с поместьем. Он коллекционировал мебель эпохи Людовика XV, картины и редкие книги; его прекрасные коллекции, как и два прекрасных дома, по сей день принадлежат нашей семье. Я не видел дядиного поместья и шато, зато года два назад мне довелось побывать в его городском доме в Ла-Рошели, и я могу сказать: это нечто. Такой мебели уж точно место в музее.

Пока дядя Оскар в поте лица трудился в Ла-Рошели, его однорукий брат Харальд (мой отец) тоже не бездельничал. В Париже он познакомился с другим молодым

норвежцем по фамилии Однесен, и они договорились открыть совместную компанию — стать судовыми брокерами. Судовой брокер — это человек, который снабжает зашедшие в порт суда всем необходимым. Он поставляет на борт топливо, продукты, канаты, краски, мыло с полотенцами, молотки с гвоздями — тысячи разных полезных мелочей. Можно сказать, что брокер — это владелец огромной лавки, в которой отовариваются корабли. И главное, что продаётся в этой лавке, — топливо: двигатели

ведь должны на чём-то работать. А единственным топливом в те времена был уголь. Суда на нефтяном топливе тогда ещё не бороздили морские просторы. Были только пароходы, а пароходам требовалось сразу много угля: сотни, а то и тысячи тонн. Для корабельного брокера топливо — всё равно что чёрное золото.

Мой отец и его новый друг, господин Однесен, очень хорошо это понимали. Значит, сказали они себе, открывать брокерскую контору лучше всего в каком-нибудь из больших угольных портов Европы. В каком? Ну, с этим как раз всё было просто. Самым большим угольным портом Европы, даже мира, был в то время Кардифф. И они отправились в Кардифф, в южный Уэльс — два целеустремлённых молодых норвежца, практически без багажа, налегке. Зато мой отец вместо багажа вёз с собой нечто более ценное. В Париже он успел жениться, и теперь вместе с ним в Кардифф ехала его жена, юная француженка Мари.

По прибытии в Кардифф молодые люди сняли подходящую комнатку на Бьют-стрит, и брокерская контора «Однесен и Даль» заработала. С этого момента начинается неправдоподобная, прямо-таки фантастическая история успеха, которая похожа на сказку, но на самом деле она была прямым результатом упорной и непрерывной работы двух друзей. Очень скоро заказов навалилось столько, что вдвоём Однесен и Даль уже не справлялись. Пришлось расширяться, нанимать новых работников. У молодых брокеров наконец появились настоящие деньги, и через несколько лет мой отец смог купить отличный сельский дом в Лландаффе, что близ Кардиффа. В этом доме Мари родила ему двух детей, девочку и мальчика. Но, к несчастью, сразу после вторых родов Мари умерла.

Когда потрясение от её смерти прошло и горе мало-помалу начало отступать, отец вдруг осознал, что малышам

нужна хотя бы мачеха, которая будет о них заботиться. Да и ему самому было страшно одиноко. И стало ясно, что он должен найти себе новую жену. Но легко сказать найти жену — норвежцу, в южном Уэльсе, где он почти никого не знает. Тогда он решил взять отпуск и съездить на родину, в Норвегию. Кто знает, вдруг ему повезёт и он встретит там прекрасную невесту, ровно такую, какая нужна?

И вот летом 1911 года, во время морской прогулки по Ослофьорду на маленьком пароходике отец познакомился с девушкой, которую звали София Магдалена Хессельберг. А надо сказать, что уж если Харальд Даль видел что-то по-настоящему ценное, он не собирался это упустить. Поэтому всего через неделю он сделал ей предложение, и вскоре они поженились.

После медового месяца в Париже Харальд привёз молодую жену-норвежку в Лландафф. Они были влюблены

Мама в день помалвки

мне 8 месяцев

друг в друга и совершенно счастливы, и в следующие шесть лет она родила ему четырёх детей: девочку, вторую девочку, мальчика (меня) и ещё одну девочку. В семье теперь было шестеро детей — двое от первого брака отца и четверо от второго. Нам требовался более просторный дом, благо деньги на него у Харальда были.

Так что в 1918-м, когда мне было два года, мы переехали в большой особняк близ деревни Радир, в восьми милях к западу от Кардиффа. Помню этот огромный домище с башенками на крыше, окружённый великолепными газонами и террасами; за ним тянулись леса и луга и стояли домики для работников. Вскоре луга наполнились дойными коровами, свинарники — свиньями, курятники — курами, а конюшни — крепкими лошадаками, на которых можно было пахать и возить сено. Появились и работники: пахарь, пастух, чета садовников и прислуга для дома — всякая, какая только бывает. Харальд Даль, как и его брат Оскар в Ла-Рошели, любил жить на широкую ногу.

Наш дом в Радуре

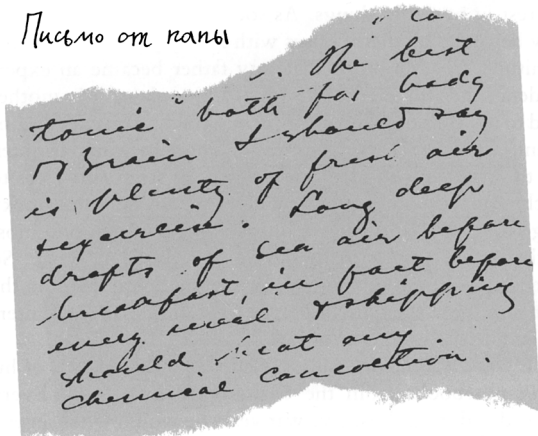

Но больше всего в этих двух братьях, Харальде и Оскаре, меня всё же удивляет другое. Оба они выросли в маленьком городке, в обычной семье, с детства привыкли к непритязательности и простоте, но у обоих, совершенно независимо друг от друга, возникла неодолимая тяга к прекрасному. Как только на это появились средства, оба начали покупать картины и обставлять свои дома изящной мебелью. Мой отец, помимо прочего, стал настоящим садовником и начал коллекционировать альпийские растения. Мама мне рассказывала, как они вдвоём ездили в Норвегию и выбирались там в горы и как она умирала от страха, когда Харальд, хватаясь одной рукой за камни, карабкался по неприступным утёсам — охотился за каким-нибудь альпийским цветком, прицепившимся к скале высоко над головой. К тому же он был превосходным резчиком по дереву: рамы почти всех зеркал в доме — его

работа, как и дубовая каминная доска в гостиной, украшенная узором из листьев, плодов и сплетённых ветвей.

А его дневниковые записи! У меня до сих пор хранится одна из многочисленных тетрадей Харальда Даля 1914–1918 годов — времён Первой мировой войны. Все пять лет, пока шла война, отец ежедневно вписывал в дневник по несколько страниц наблюдений и размышлений. Он всегда пользовался перьевой ручкой и писал не на родном норвежском, а на безупречном английском.

Письмо от папы

The best tonic both for body & brain is plenty of fresh air secured. Long deep drafts of sea air before breakfast, in fact before every meal & skipping should beat any chemical concoction.

...наилучшее время для тела и души — я бы сказал, обилие свежего воздуха и моциона. Хороший глоток морского воздуха перед завтраком, как, впрочем, и перед каждой едой, всегда лучше любого химического лекарства.

У отца имелась собственная довольно любопытная теория насчёт того, как надо воспитывать в детях чувство прекрасного. Всякий раз, когда мама беременела, отец выжидал полгода, а потом объявлял, что пора приступать

к «благословенным прогулкам». Каждый день, с начала седьмого месяца и до конца срока, он отводил её в какой-нибудь живописный уголок в окрестностях, и они прогуливались там не меньше часа, чтобы мама могла впитать в себя окружающую красоту и великолепие. Идея состояла в том, что если беременная женщина будет регулярно любоваться красотами природы, то эти красоты через пуповину перетекут в мозг ещё не родившегося ребёнка, и он тоже вырастет ценителем прекрасного. Вот так все мы ещё в материнской утробе прошли курс эстетического воспитания.